

УДК 94(420).01

ОТНОШЕНИЕ К ОТШЕЛЬНИКАМ В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ АНГЛИЙСКИХ ЦЕРКОВНЫХ АВТОРОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ю. С. ПОНОМАРЕВА*Ставропольский
государственный
университет**e-mail: juliusp@mail.ru*

Проблемы восприятия окружающего пространства средневековыми авторами относятся к числу актуальных для историков сознания сегодня. В иерархии сакральных мест особое положение занимают отшельники и окружающее их пространство, поэтому феномену отшельничества посвящено немало строк в английских письменных памятниках раннего средневековья. Образ пустыни и монаха-пустынника, вобрав в себя несколько смысловых полей, в том числе библейскую трактовку, стал очень популярен в литературе и устной народной традиции раннего средневековья и дал множество сюжетов для житий святых. Путешествие через пустыню и встреча героев агиографии с отшельниками всегда связаны с духовным и физическим испытанием, посвящением, откровением и важным уроком. Находясь в пространстве, расположенном за культурным горизонтом населенного мира, в глухом, скрытом от посторонних глаз месте – пустыне – отшельники являются в глазах авторов источников носителями особой благодати, превратившими свою обитель в священное место, а окружающие его безбрежные просторы – в поле духовной брани и подвигов.

Ключевые слова: агиография, Англия, раннее Средневековье, отшельники, пустыня, священное место, топоним, пространство.

Неоднородное восприятие окружающего пространства – характерная особенность сознания людей традиционного, доиндустриального общества. Реальное раскрывается там, где в пространстве проявляется священное. По мнению религиоведа и этнографа М. Элиаде, для религиозного человека эта неоднородность проявляется в опыте противопоставления священного пространства, которое только и является для него *реальным*, всему остальному – бесформенной протяженности, окружающей это священное пространство¹. Именно по этой причине столь важным для средневекового человека является выстраивание четкой структуры окружающего его пространства. Особое и наиболее важное положение в этой иерархии занимают точки, в которых локализуется сакральное – священные места. Однако наряду с известными и прославленными святынями в пространстве огромного мира существуют некие особые, тайные места, которым посвящено немало строк в письменных памятниках раннего Средневековья. Это обители отшельников – маленькие островки мира и гармонии среди пустыни – бесконечных и диких земель, простирающихся на огромные расстояния вокруг населенных пунктов и обжитых краев. С одной стороны, пустынные места ассоциировались в сознании раннесредневековых авторов с опасностями и темными силами, населялись демонами и лихими людьми². Но, с другой стороны, пустыни всегда в истории человечества были и местом особого духовного подвига и посвящения, особой благодати. Здесь мы наталкиваемся на другую трактовку пустыни – библейскую.

Как известно из книги Бытия, основателем цивилизации, культуры и первых городов был Каин. Енос же, сын Сифа, третьего сына Адама, который «первым начал призывать Имя Господа»³, стал основателем религии. Показательно, что жил он именно в пустыне. Ветхозаветная пустыня не является местом уединения – это место испытаний, уготованных всему богоизбранному народу, земля, куда, порвав со всеми

¹ Элиаде М. Священное и мирское. М., 2005. С. 75.

² См., напр., Беда Достопочтенный. Церковная история народа англос. СПб, 2001. С. 26.

³ Быт. IV, 26.

прежними привязанностями, уходят скитальцы, подобно Аврааму, ушедшему в пустыню из Ура Халдейского, или Моисею, ведущему свой народ из Египта в Землю Обетованную. В Новом Завете образ библейской пустыни меняется. Иудейская пустыня, где жил и проповедовал Иоанн Креститель, земля, где раскинулись выжженные солнцем холмы, становится для Христа местом не столько испытания, сколько искушения. Пустыня – это обиталище злых духов, уголок, где сатана искушает Иисуса: «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола»⁴. Но пустыня – это еще и пристанище, куда удаляется жаждущий уединения Иисус. В IV в., с распространением на Востоке христианства, начинает создаваться «пустынный эпос». Западные христиане унаследовали от восточных основополагающие сочинения этого эпоса, где сформулированы и отражены основные духовные ценности, выработанные отшельниками за время пребывания в пустыне. Это, прежде всего, житие св. Антония Великого, написанное Афанасием Александрийским, и св. Павла Фивейского, написанное св. Иеронимом. Средневековый Запад увидел в жизнеописаниях обоих отшельников, живших в «пустыне Египетской», два великих образца идеального аскетического служения⁵. Образ монаха-пустынножителя стал особо почитаемым и популярным в литературе и устной народной традиции раннего Средневековья и дал множество сюжетов именно для житий святых. В Европе, где климат умеренный и нет бескрайних засушливых просторов, *пустыней* – т.е. местом уединения (*locus desertum*) – становятся края, полностью противоположные пустыне с точки зрения физической географии – лес, горы, берега рек и острова. Леса в раннее средневековье покрывали огромные пространства, более того, в период с 500 по 1200 г. в Европе наблюдается значительное потепление, повлекшее за собой наступление леса. Например, обширные лесные пустыни, расположенные на границе Мэна и Бретани, по сведениям источников того времени, подобно второму Египту, были заселены множеством отшельников⁶.

Обращение к такому специфическому жанру источников, как агиография, является весьма перспективным для изучения пространственных представлений в трудах раннесредневековых писателей, связанных с практикой отшельничества, а также с отношением к отшельникам и окружающему их пространству. По словам Ю.Е. Арнаутовой, «остающиеся в привычном небрежении как «исторически недостоверные» жития скрывают в себе мощный эвристический потенциал для исторического исследования – компаративного изучения идеи (идей) святости в исторической диахронии или синхронно у разных религиозных групп»⁷. Это применимо и к другим параметрам восприятия человеком окружающего мира или, используя термин А.Я. Гуревича, другим «категориям сознания», помимо образа святости – например, к представлению о пространстве. Разнообразные топосы, пронизывающие жития святых, по мнению Ю.Е. Арнаутовой, являются важной сущностной основой текста, нередко позволяющей понять смысл всего источника и замыслы его автора, те социокультурные коды, модели поведения и мотивации, которые были актуальны для агиографа и его читателей.

В английских письменных памятниках раннего Средневековья можно найти огромное количество историй агиографического типа, повествующих о святых мужах, которые живут в уединенном диком месте. Так, Эльфрик Эйншемский (955 – 1020-25 гг.) в своих «Житиях святых» нередко рассказывает об отшельниках. Интересно отметить, что они почти никогда не становятся главными героями его агиографий, но зато очень часто присутствуют как персонажи, с которыми сталкивается главный герой – тот святой, о жизни которого повествуется – и непременно получает в результате общения с ними какой-нибудь важный урок, духовный, аскетический

⁴ Мф. IV, 1.

⁵ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 87.

⁶ Там же. С. 97.

⁷ Арнаутова Ю.Е. Перспективы изучения агиографических топосов / *Munuscula* к 80-летию А.Я. Гуревича. М., 2004. С. 211.

опыт или откровение. Эта тенденция, мне кажется, отражает некий важный атрибут, которым должен обладать отшельник и место его обитания (пустыня) – сокровенность. Сокровенность, сокрытость от мира и тайна. Никто не должен знать о подвиге отшельника, его келью или пещеру всегда находят случайно, по воле Божественного Провидения, это не предмет для знания многих⁸. В одной из агиографий Эльфрика есть даже такой интересный персонаж, которого можно назвать «отшельник в миру» (не просто монах в миру, но отшельник в миру – в некоторой степени парадоксальная ситуация). Он живет в городе, служит священником в городском приходе и его даже не считают монахом, однако он регулярно тайно уходит молиться в пещеру, которая находится в пустыне за городом, и выхаживает там прокаженного, изгнанного из города⁹.

Образ отшельника, живущего в пустынном месте, у Эльфрика не всегда идеален. В житии Василия Великого есть интересная история о некоем пустынноике Ефреме, который долгое время не мог смириться со славой и известностью святителя Василия. «Жил в то время один весьма святой отшельник по имени Ефрем. Обитал он в пустыне, творя многочисленные чудеса и показывая пример многим, кто внимал его поучениям. Он слышал о чудесах, которые совершал Василий, и часто просил Бога открыть ему, каким образом Василий стяжал свою славу и почему он так почитаем среди людей по сравнению с ним самим»¹⁰. Тогда посредством чудесного видения ему было открыто, что Василий – великий подвижник, один из тех, на ком стоит церковь, «как на огненном столпе, возвышающемся до небес»¹¹. Однако это не успокоило Ефрема, а, напротив, стало причиной большой зависти, которую он долгое время испытывал к святому, и, в конце концов, зависть эта стала столь сильной, что он впервые за многие годы покидает пустыню и отправляется к Василию. В результате Ефрем раскаивается в своей гордости и зависти и по молитве святого начинает говорить по-гречески. Василий рукополагает его в пресвитера, и он возвращается обратно в пустыню, победив искушение. Таким образом, этот персонаж нарисован удивительно живой и сложной личностью со своими немощами, грехами и сомнениями, почти лишенным традиционных агиографических топосов, используемых для подчеркивания святости того или иного персонажа. При этом постоянно подчеркивается, что Ефрем уже долгое время подвизается в пустыне, достиг больших духовных высот и «был знаменитый своей святостью человек»¹². Что не мешает ему иметь недостатки и подвергаться искушениям.

Географическое расположение и ландшафт мест, где чаще всего основываются обители отшельников, как правило, отвечают двум основным требованиям: удаленность от обжитого, «своего» пространства и труднодоступность. Как отмечает Ж. Ле Гофф, уходя на поиски географической и духовной пустыни, западные отшельники сначала предпочитали острова¹³. К островным пустыням стремились главным образом кельтские монахи и подвижники из северных стран. «Они вписали в историческую антропологию обширную главу, посвященную морской пустыне, пустынным морям и пустынным царствам. Море заменило этим монахам пустыню Египетскую», – пишет Ле Гофф. Такими подвижниками были св. Брендан со своей отважной братией и другие морские скитальцы. В житии св. Колумбана есть строки, в которых сказано, что плавающие по океану братья «надеялись найти пустыню в бескрайнем море»¹⁴. Видимо, речь здесь идет не только о географической, но и о духовной пустыне.

В любом случае, обители анахоретов – это далекие от цивилизации уголки дикой природы, которые, по словам Беды Достопочтенного, «скорее подходили для укрытия разбойников и логовища диких зверей, чем для человеческого жилища; по

⁸ Clayton M. Hermits and the Contemplative life in Anglo-Saxon England / Holy men and holy women: Old English Prose Saints' Lives and Their Contexts. Ed. By Paul E. Szarmach. NY, 1996. P. 162.

⁹ Aelfric. Saint Basilus, Bishop. Lives of saints. London, 1881. P. 79.

¹⁰ Ibid. P. 81.

¹¹ Ibid. P. 82.

¹² Ibid. P. 85.

¹³ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. С. 88-90.

¹⁴ Житие святого Колумбана. СПб, 2002. С. 104.

слову пророка Исая: «В жилище, где покоились драконы, будет место для тростника и камыша» (Ис. 35: 6), то есть *плоды добрых дел взойдут там, где жили лишь дикие звери или еще более дикие люди*¹⁵. Эта мысль очень важна для понимания того, как воспринимались отшельники и окружавшее их пространство. Пустыня, где подвизались ищущие уединения люди – это враждебный и необитаемый мир, осаждаемый демонами и прочими злыми силами, обиталище диких зверей и разбойников. Подвижник же – это человек, который, уходя от мира в поисках особого искуса, своим духовным совершенствованием и молитвенной жизнью преобразует окружающее его пространство, превращая его в священное, благодатное место. Одиноким странник, путешествующий в дикой и опасной глуши, случайно попав в уединенный монастырь или просто в хижину отшельника, мог обрести не только приют, ночлег и защиту, но и обогатиться особым духовным опытом или мудростью, пройти некое посвящение.

Например, в одном из житий Эльфрика путешествие в «бескрайнюю пустыню» становится для одной грешной женщины, обратившейся к епископу с весьма дерзкой просьбой – очистить с помощью своего заступничества перед Богом все ее грехи – неким духовным и физическим испытанием и способом для прозрения и покаяния. Епископ согласился исполнить ее требование, и по его молитве женщине простились все грехи, кроме одного, самого тяжкого. Для того же, чтобы очиститься и от этого греха, епископ направляет ее к одному отшельнику, живущему в пустыне за городом. Чтобы дойти до него, героине приходится преодолеть множество испытаний в пути по «широкой бескрайней пустыне»¹⁶. Однако на этом искушения не заканчиваются. Кроме физических лишений, ей приходится пройти серьезное испытание веры, так как пустынный, повторяя, что он человек грешный и не сможет выполнить ее просьбу по своим грехам, отсылает женщину обратно к епископу и велит ей поторопиться, чтобы застать его в живых. «Тогда побежала бедная женщина изо всех сил через пустыню, пока не добежала до города, где тело архиепископа уже готовили к погребению, и упала на землю, упрекая святого за то, что он отослал ее от себя в пустыню, в такое далекое и тяжелое путешествие, и она вернулась ни с чем. Тогда она бросила бумагу на погребальные носилки и рассказала всем о своих преступлениях. И вот, один из священников, желая узнать грех, посмотрел на бумагу, и воскликнул: «Что ты надрываешься, женщина? Эта бумага чиста». Так грех был очищен Господней милостью. Тогда женщина возрадовалась, и люди прославили Бога Живого, пребывающего вовеки»¹⁷.

Как видно из приведенного отрывка, путешествие в пустыню является способом некоего физического и духовного испытания, которое должно стать не средством добиться желаемой цели, а скорее помочь открыть глаза на свои грехи, увидеть что-то в себе и покаяться, определенным образом изменить, преобразить сердце человека, а также получить важный урок на будущее.

Итак, образ пустыни и живущего в ней отшельника повсеместно присутствует в хрониках, агиографиях и других церковных текстах раннего Средневековья. Находясь в пространстве, расположенном за культурным горизонтом населенного мира, в глухом, скрытом от посторонних глаз месте – пустыне – отшельники являются в глазах авторов источников носителями особой благодати, превратившими свою обитель в священное место, а окружающие его безбрежные просторы – в поле духовной брани и подвигов. Так, герой одной из агиографий Эльфрика, рассуждая о целесообразности отшельнического подвига, цитирует известные слова апостола Павла: «потому что наша брань не против крови и плоти, но против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных»¹⁸. «Так и мы, – продолжает он, – удалились туда, где нет никакой плоти, для духовной брани»¹⁹.

¹⁵ Беда Достопочтенный. Церковная история народа англоv. С. 97.

¹⁶ Aelfric. Saint Maur, Abbot. Lives of saints. London, 1881. P. 157.

¹⁷ Ibid. P. 160.

¹⁸ Ефес. 6: 12

¹⁹ Aelfric. Saint Swithun, Bishop. Lives of saints. London, 1881. P. 445.

RELATION TO THE HERMITS IN THE CONTEXT OF SPACIAL REPRESENTATIONS OF ENGLISH CHURCH AUTHORS OF THE EARLY MIDDLE AGES

J. S. PONOMAREVA

Stavropol State University

e-mail: juliusp@mail.ru

Problems of perception of surrounding space of medieval authors are among actual for historians of consciousness today. In hierarchy of sacral places special position is occupied with hermits and space surrounding them, therefore many lines in English written monuments of the early Middle Ages are devoted an asceticism phenomenon. The image of desert and the anchorite, having incorporated some semantic fields, including bible treatment, became very popular in the literature and oral national tradition of the early Middle Ages and has given set of plots for lives sacred. Travel through desert and a meeting with hermits are always connected with spiritual and physical test, dedication, revelation and the important lesson. Being in the space located behind cultural horizon of the occupied world, in the deaf person hidden from extraneous eyes a place – desert – hermits are in the opinion of authors of sources carriers of the special good fortune which have transformed the monastery in a sacred place, and boundless open spaces surrounding it – in the field of spiritual abuse and feats.

Key words: hagiography, England, the early Middle Ages, hermits, desert, a sacred place, topos, space.